

ности «гражданскаго перемирія» с правительством. Результатом расхожденій было дальнѣйшее ослабленіе связи Потресова с партией и, с другой стороны, потеря вѣры в степень гражданственности русскаго обывателя. В таком настроеніи двусторонняго моральнаго одиночества Потресов встрѣтил революцію 1917 г.

Послѣ первых восторгов уже в мартѣ 1917 г. он замѣтил, что «стихія максимализма начинает захлестывать массы». Он пытается бороться против «стихиі», проявляя, сверх ожиданія, таланты публичнаго оратора на митингах и боевого публициста во вѣдѣ партійной газетѣ «День». Все было напрасно. Среди меньшевиков окончательно побѣдил интернаціонализм, а в массах старый московскій «Ивашка» сѣлъ на шею культурным «Иванам». Дальше начинается уже агонія, прекрасно описанная Ст. Ивановичем.

Почти год послѣ водворенія большевиков Потресов прожил нелегально; затѣм конец 1919 г. он просидѣлъ в большевистской тюрьмѣ и только в началѣ 1925 г., тяжело больной, был выпущен за-границу. Болѣзнь его — туберкулез позвоночника — чрезвычайно обострилась и осложнилась острым малокровіем. Годы заграничной жизни уже были годами медленнаго умиранія. Это, однако, не мѣшало Потресову разобратся в заграничных теченіях социал - демократіи и занять среди них опредѣленное мѣсто. Он не проявил никакой склонности к «идейному капитулянтству перед большевистской диктатурой». Но, несмотря на тяжелые приступы болѣзни, он не мог и молчать. 23 номера «Записок Соціал - Демократа» и постоянное сотрудничество в «Днях» свидѣлствуют о его послѣднем усилии литературной борьбы. И в этих попытках размежеваться в партійных спорах его одиночество проявилось болѣе опредѣленно, чѣм когда - либо прежде. Послѣднія страницы книги Ст. Ивановича рисуют потрясающую и жуткую картину дезертирства ближайших единомышленников Потресова.

Обѣ здѣсь рецензироваанныя работы Б. И. Николаевского и Ст. Ивановича не только существенно пополняют недостававшую главу из исторіи русскаго социализма. Онѣ помогают вскрыть причины неудавшагося сотрудничества этого теченія с общим демократическим фронтом — неудачу, которая лежит в основѣ русскаго политическаго катастрофы.

П. М.

Thierry Maulnier. — Au delà du Nationalisme. Gallimard. 1938.

Молнье один из интереснѣйших современных французских мыслителей. Поражает его сходство с Прудоном: такое же мастерство примѣненія діалектическаго метода мышленія, та же охваченность идеей «соборности», тот же стиль, то же построеніе фразы, что само по себѣ свидѣлствует об этом их духовном сродствѣ. И та же центральная идея — интегральной Революціи — такой, какая необходима для осуществленія постоянных тенденцій, органически присущих всякому данному конкретному, исторически сложившемуся коллективу. Таким коллективом, такой высшей исторической реальностью является для Молнье **Нація**. «Преодоленіе Націонализма» не означает отрицанія Націи, но, наоборот, ея полную реализацію. Націонализм, который подлежит преодолѣнію, это — современный консерватизм, не мыслящій Націю

иначе, как в извѣстных формах ея осуществленія в исторіи. Как когда-то Нація отождествлялась с Монархіей «по божественному праву», так сейчас она отождествляется с Демократіей. Демократія, в сущности, господство **касты** капиталистов, поглотившей Государство и выключившей из національнаго цѣлага, из «Общества», пролетаріат. Отвѣтом на это и был пролетарскій социализм (марксистскій синдикализм) с его ученіем об **одном** классѣ, призванном создать безклассовое общество. Лицемеріе отрицать **факт** классовой борьбы и выдавать формальную свободу и формальное равенство за реальные. Но нелѣпо и мечтать о прекращеніи этой борьбы путем уничтоженія классов в результатѣ уничтоженія собственности. Реальная, цѣлостная личность органически связана со своим классом, со своей собственностью, — как и со своим народом, со своей землей. Задача нашего времени — смѣло и свободно использовать всѣ его великія достиженія в интересах не одного класса, и не невозможнаго «чистаго» Общества, но реальнаго, уже, по крайней мѣрѣ в потенціи, существующаго цѣлага; в частности, — не уничтожить капитал, но измѣнить отношеніе между капиталом и трудом: в демократіи труд служит капиталу, в режимѣ, подлежащем осуществленію, капитал должен служить труду (опять Прудон!)

Но как добиться этого? Какой режим призван замѣнить Демократію и, «преодолевъ націонализм», осуществить во всей полнотѣ идею Націи? Определеннаго отвѣта на это книга Молнье не дает, но из всего, что в ней говорится там, гдѣ он критикует марксистскую и либеральную доктрины, как и из его предыдущих работ, ясно, что он склоняется к так называемой «идеократіи». Осуществить революцію призваны «знающіе», «мыслящіе». Сознает-ли Молнье, что это неминуемо привело бы и к упроченію власти за «философами», и что этот режим духовной аристократіи очень скоро выродился бы в режим **касты**, куда болѣе замкнутой, чѣм «двѣсти семействъ», ибо доступ в нее зависѣлъ бы исключительно от ея усмотрѣнія, и болѣе нетерпимой? Молнье относится отрицательно к современным диктатурам не столько за то, что это — диктатуры, сколько за то, что их идеологіи — глупы. Но сколь бы ни была «умна» какая-либо доктрина, ставши официальной, она становится и монополевой и тѣм самым обращается в догму, т. е. «глупѣет». Молнье раздѣляет участь всѣх утопистов. Когда утопист противопоставляет дѣйствительность своему идеалу, его критика обязательно страдает отвлеченностью. Для Молнье Демократія, экономическій индивидуализм и, как слѣдствіе его, режим «касты» — одно и то же. Но вѣрно - ли, что современная демократія наглухо закрыта от проникновенія в нее элементов **соціальнаго** начала? И можно - ли считать безоговорочно современное работничество — пролетаріатом, «лишенным всего», выключенным из Общества? Молнье сам вынуждается на такую оговорку: у него прекрасно показано, как выработка пролетарскаго социализма отставала от реальной эволюціи соціальных отношеній. Из его собственных замѣчаній об этом процессѣ выходит, что **сознавать** себя пролетаріем, от-

щепенцем, работник стал тогда, когда, во многом, уже **перестал** им быть. Итак, кризис демократіи, в извѣстной мѣрѣ, слѣдствіе недоразумѣнія. Кромѣ того: о **какой** демократіи идетъ рѣчь? Молнье говоритъ о Демократіи вообще, но вниманіе его направлено, главнымъ образомъ, на Францію. Однако, все-ли, что характерно для одной демократіи, характерно и для любой другой? Развѣ идеологія и настроенія англійскаго трэд-юніонизма тѣ же, что идеологія и настроенія СЖТ? И не показываетъ-ли современное развитіе Англии, что преодолѣніе «націонализма», «буржуазнаго консерватизма», возможно в рамкахъ демократіи? Молнье самъ доказываетъ, что причина всѣхъ нынѣшнихъ золъ не в достиженіяхъ современной цивилизаціи, а в неумѣніи **пользоваться** ими. Не приложимо-ли то же самое и къ демократіи? И это тѣмъ болѣе, что демократія едва-ли не единственный изъ режимовъ, чья структура такова, что онъ **способенъ** эволюціонировать вмѣстѣ с жизнью.

П. Биццали.

A. Ciliga. — Au Pays du Grand Mensonge. — Problèmes et Documents. — N.R.F. Gallimard. — 1938.

Годъ тому назадъ появилась на нѣмецкомъ языкѣ книга виднаго австрійскаго коммуниста Вилли Шламма подъ названіемъ — «Диктатура лжи». Другой бывший коммунистъ и одинъ изъ б. руководителей Исполкома коминтерновскаго — Б. Суваринъ содержаніе всей коммунистической дѣятельности сейчасъ изображаетъ, какъ всепроникающую и безпредѣльную ложь. Такъ же думаетъ нынѣ и Андрэ Жидъ: «В странѣ великой лжи» озаглавлена и книга, только что выпущенная А. Цилигой, бывшимъ членомъ коммунистическаго Политбюро Югославіи, члена балканскаго бюро Коминтерна, секретаря компартіи Кроаціи и проч., и проч.

Заглавіе книги было выношено и рождено еще в Россіи, в процессѣ 10-лѣтняго тамъ пребыванія, сначала в рядахъ правящей верхушки, а потомъ длительнаго тюремнаго заключенія, ссылки, мучительныхъ голодовокъ и покушенія на самоубійство. Авторъ приводитъ несчетное число примѣровъ всеобщаго и сплошнаго обмана, выдаваемого в СССР за истину. Тамъ же, в совѣтской Россіи, вычиталъ авторъ и, удержавъ в памяти, взялъ эпиграфомъ къ своей книгѣ слова Баъзака — «У народныхъ революцій нѣтъ болѣе жестокихъ враговъ, чѣмъ тѣ, кто поднялся на ихъ спинѣ»...

Воображеніе юнаго идеалиста, хорвата по происхожденію, итальянца с 1918 г. по паспорту, философа по образованію и историка по профессіи, соблазнилось призракомъ красной страны, родины всѣхъ трудящихся и строящагося социализма. В итогѣ пережитаго Цилига пробуетъ дать отчетъ — себѣ и другимъ, — «какъ это случилось, что по формѣ, на словахъ, в Россіи все какъ будто идеально, а по существу — отвратительно?» «Отвращеніе» автора тѣмъ болѣе поучительно, что, разочаровавшись в совѣтскомъ «опытѣ», ради «изученія» котораго онъ и отправился в Россію, Цилига не разочаровался в своемъ влеченіи къ свободѣ и справедливости и не отрекся ни отъ революціи, ни отъ социализма.